

Андрей Цыганков

Александр Панарин как зеркало российской революции¹

Резюме. Данная статья посвящена эволюции идей российского философа и публициста Александра Панарина, чье мировоззрение всего за одно десятилетие прошло стремительную эволюцию от либерального западничества до крайне консервативного евразийства. Автор не только прослеживает те изменения, которые претерпели идеи философа, но также пытается найти ответ на вопрос, что же заставило Панарина пройти столь противоречивый путь, указывая среди причин разочарование преобразованиями постсоветской России, неблагоприятную, с точки зрения философа, роль Запада в этих процессах и темперамент самого Панарина. Также в статье сделана попытка извлечь уроки из этого явления, характерного для многих русских интеллектуалов, переживших радикальную трансформацию своих идей от либерализма до консервативного «почвенничества».

Ключевые слова: *Российская революция, цивилизационный процесс, национальный либерализм, западничество, евразийство, идеология возрождения.*

“Нам предстоит новое ученичество у Запада — без его прямой помощи и поддержки нам не выбраться из трясины, куда завела нас идеология революционного мессианства”.

(Панарин 1991, 220)

“Главная проблема настоящего, ответственного реформаторства сегодня — преодоление *цивилизационного нигилизма*: говорят о России, но видят не Россию, как особый культурно-исторический тип, а скопище устаревшего оборудования, а при нем — столь же устаревших людей”.

(Панарин, 1995б, 22)

“Сегодня либерализм всюду — и на Западе, и в России, — кажется, утратил путеводную нить Просвещения ... Либерализм в лице теории глобального открытого общества стал обоснованием американского экспансионизма и гегемонизма.”

(Панарин, 2000, 224)

¹ Вариант статьи, первоначально опубликованной в Вестнике Московского Университета: Социология и политология, № 4, 2005, № 1, 2006. За высказанные комментарии автор благодарен Д. Глинскому, С. Лучиновой, П. Реддаеву, Ю. Слезкину, А. Умланду и П. Цыганкову. Никто из них не несет ответственности за содержащиеся в тексте идеи и их формулировки.

1. Введение

25 сентября 2003 года умер выдающийся философ и публицист Александр Сергеевич Панарин. При жизни, особенно в ее последние десять лет, работы Панарина пользовались немалой популярностью и были отмечены многочисленными премиями и наградами. И все же осмысление особого феномена Александра Панарина еще впереди.

У этого феномена множество граней: философских, политологических, публицистических и просто человеческих. Природа наделила Панарина необычайной широтой дарований, и так сложилось, что по-настоящему он смог воспользоваться ими лишь в последние десять-пятнадцать лет. Полудиссидентское прошлое в эпоху советского режима обрекло Панарина, как и многих других последователей демократизации, на многолетнее молчание. Особого разговора заслуживает и личность этого человека, от общения с которым у людей, знавших его, возникало ощущение приподнятости, прилива сил и энергии. На фоне многочисленной плеяды отечественных скептиков, пессимистов и апокалиптиков Панарин не мог не выделяться своей необыкновенной верой в будущее России и ее народа. При этом его огромная эрудиция и интеллигентность, дополнявшиеся простотой и сердечностью в общении, покоряли собеседника и выводили общение с ним на совершенно новую глубину. Соглашаясь или споря с Александром Сергеевичем, я искал такого общения и был неизменно благодарен за эту глубину дискуссий. Каждый, кому посчастливилось знать Панарина или просто присутствовать на его публичных выступлениях, согласится, что у него не было пауз или расчетливых передышек. Лишенный чванства или цинизма, он жил и работал на износ, и каждое его выступление было событием.

Стремясь продолжить общение с Панариным, я хочу обратиться к оставленному им богатому интеллектуальному наследию и попытаться проследить эволюцию социально-политических воззрений философа в позднесоветский и постсоветский период. Мне представляется, что за период последних десяти-пятнадцати лет мыслитель прошел весь круг идейного развития: от либерального западничества до умеренного и даже радикального консерватизма. Вступив в постсоветское время убежденным западником и критиком левого либерализма Горбачева, Панарин вскоре переходит на позиции неприятия западничества. Главным образом под влиянием ельцинских рыночных реформ он принимается за поиски альтернативы либерализму западного образца в рамках самого либерализма. В своих поисках философ активно опирается на особенности национально-исторического опыта и традиций, подчеркивая узко номенклатурный характер западных реформ и настаивая на возможностях иного типа социально-экономического реформирования. Мыслитель высказывается за народный или массовый капитализм, противопоставляя его элитарно-номенклатурному, а также защищает необходимость сильного государства в противовес идеям саморегулирующего рынка. В этот же период Панарин впервые формулирует либеральную в своей основе евразийскую альтернативу западничеству или «атлантизму», подчеркивая при этом «цивилизованный» характер своего евразийства и стремясь провести четкую грань с евразийцами и «геополитическими пессимистами» неокommунистического и радикально-националистического лагеря.

Примерно с середины 1990-х годов мысль Панарина претерпевает новую эволюцию в консервативном направлении. Все чаще и чаще мыслитель связывает либерализм с

раскалывающей общество политикой Ельцина, проводимой при поддержке ведущих кругов Запада. Все реже и реже звучит в его работах мотив необходимости защиты либерализма и либеральных идей от номенклатурно-западнических «нахлебников», узурпировавших право решать, какого рода перемены необходимы России. Все более негативным оказывается его отношение к капитализму как социально-экономической системе и Западу как цивилизации, стремящейся укрепить свое влияние в мире. Вместо народного капитализма, философ все чаще высказывается в пользу «аскезы» и ограничения потребностей. Панаринское же евразийство этого времени все больше напоминает евразийство тех самых «геополитических пессимистов», которым так доставалось от него в период его либеральных исканий. Такая идейная трансформация происходит на соответствующем политическом фоне. Именно на это время приходится первая волна расширения НАТО на Восток, новая стратегия безопасности НАТО, воплотившаяся в бомбардировках Югославии, а также усилившаяся со стороны Вашингтона волна критики по адресу «нового империализма» России в бывшем СССР.

Наконец, в конце 1990-х Панарин переходит на более радикально-консервативные позиции. Он сближается с российскими консерваторами в оценках капитализма, постсоветской политической системы и роли в ней Путина и даже стремится реабилитировать роль Сталина в советской истории. При этом основной мишенью его критики выступает Запад, который философ рассматривает как деградировавший — главным образом под влиянием США — в элитарно-тоталитарном направлении. Неудивительно, что отповедь прежним нелиберальным оппонентам почвеннического и некоммунистического лагеря практически исчезает из работ Панарина. Основные работы философа в этот период концентрируются в своих атаках именно на Западе, возлагая на него всю полноту ответственности за насилие и несправедливость в мире. Даже террористические атаки Америки 11 сентября 2001 года не колеблют убеждения Панарина в злонамеренности западной цивилизации; наоборот, он солидаризируется с национал-коммунистами, полагая США виновными в происшедшем.

Следуя логике революционного развития событий в России, Панарин стремительно и по нарастающей развивается в радикально-консервативном направлении. Чем более агрессивно навязываются обществу якобы либеральные в своей основе реформы, тем более активно-непримиримую позицию занимает философ, изыскивая всё новые способы критической аргументации в адрес либерально-западнического режима России и его зарубежных покровителей.

Оставаясь либералом по убеждениям (хотя и не причисляющим себя, как увидит читатель, к ельцинско-западнической традиции российского либерализма), я хочу попытаться понять, как и почему произошло разочарование Панарина в либерализме. Как случилось, что бывший диссидент, убежденный западник в советское время и один из наиболее многообещающих идеологов российского либерального возрождения после распада СССР — во всяком случае, так мне казалось в начале 1990-х годов — отказывается от выношенных жизнью убеждений и эволюционирует в сторону умеренного, а затем и радикального консерватизма? Как мог ученый и интеллигент, всю жизнь мечтавший о социокультурной реформации России, оказаться в стане тех, кто полагает за благо возвращение к патриархальности и национализму?

Такая трансформация возможна лишь в условиях революционных перемен, и мне кажется принципиально важным выявить социальные, политические и психологические корни российской революции. Панарин был отнюдь не единственным, кто прошел отмеченный идейный путь (и мне неизвестен никто, кто проделал бы обратный путь из лагеря националистов в западники). Вполне очевидно, что идейная трансформация одного из ведущих мыслителей России есть явление общественной жизни и должна быть осмыслена именно в этом качестве. Идейный путь философа является в этом смысле зеркалом великой российской революции, свидетелями которой мы являемся. Не поняв этого пути, мы не поймем, какое будущее может ожидать Россию, остаются ли шансы на ее возрождение, и в каком направлении должен измениться сам российский либерализм.

2. Западничество и надежды социокультурной реформации

Александр Панарин сформировался как ученый и гражданин в послесталинское время. Несмотря на вскоре наступившую эпоху так называемого «застоя», в его интеллектуальном развитии ничего застойного не было в помине. Во время учебы на философском факультете МГУ Панарин входил в группу студентов, в социал-демократическом духе интерпретировавших идеи раннего Маркса и активно обсуждавших политического преобразования общества. Как и для ряда других, для Панарина это добром не кончилось. Его близкий друг погиб при загадочных обстоятельствах, а сам он был исключен из комсомола и отчислен из университета. Позднее ему удалось восстановиться и закончить заочное отделение факультета, однако к философии и ее преподаванию его не допустили. Вместо этого, ученый вплоть до перестройки преподавал социологические проблемы управления. Едва ли это всерьез затормозило творческое развитие Панарина. Стимулы для такого развития были заложены эпохой «оттепели», и оставалось лишь вопросом времени, когда панаринский талант будет востребован обществом.

Сделав отступление, скажу, что для моего поколения «восьмидесятников» дело обстояло иначе. До прихода Горбачева мы не пережили ничего подобного пережитому «шестидесятниками» и представляли собой в основе своей апатичную и аполитичную возрастную группу. Многие из нас слышали от родителей, что общество и политика бывают «другими», но слышать одно, а прожить и прочувствовать – это нечто совсем другое. Помню свое собственное разочарование в философском факультете и ощущение какого-то непроницаемого вакуума, порождающего чувство бессмысленности существования. Помню настойчивое желание как-нибудь изменить свое пребывание в «вакууме», завершившееся решением идти в армию. Армия пробудила интерес к учебе, хотя интерес этот все еще был скорее жизненно-прагматическим, нежели гражданским.

Уже в это время знакомство с работами Панарина было глотком свежего воздуха. Под влиянием отца, специализировавшегося на Франции, я читал тогда множество малотиражных реферативных обзоров, опубликованных академическими институтами для узкого круга специалистов-обществоведов. Отец и обратил мое внимание на обзоры работ французских философов и социологов как левого, так и консервативного направлений, подписанные фамилией «Панарин». Читать эти обзоры было удовольствием — они не имели ничего общего с серостью, наводнившей обществоведческую литературу, и почти ничего общего со стандартными реферативными работами. Это были написанные характерным для

Панарина живым публицистическим языком и полные полемичности статьи, в которых философ ставил и пытался решить сложнейшие вопросы, дискутируя с ведущими мыслителями эпохи. Отчетливо помню, например, впечатление от обзора работ Андре Горца, Ивана Иллича и других теоретиков так называемого экосоциализма, так отличавшихся от апологетов «развитого социализма». Горц и другие ставили под сомнение прежнее понимание труда индустриальной эпохи, что позволяло иначе осмыслить характер времени, по-иному взглянуть на будущее мирового развития и его субъекта. Именно это и попытался сделать Панарин. Его «обзор», опираясь на экосоциалистов, выводил читателя далеко за пределы и Франции, и экосоциализма, ставя проблемы постсовременности и наводя на размышления о завтрашнем дне мира в целом.

Год-два спустя к власти пришел Горбачев и принес с собой свободу обсуждения всех тех идей, с которыми я был отчасти знаком лишь по обсуждениям с родителями, малотиражным рефератам и материалам спецхранов, закрытых для широкой общественности. Как бы теперь не относились к Горбачеву и его преобразованиям, на философском факультете МГУ с его приходом изменилось все. Обновились как преподавательский состав, так и сам стиль преподавания философии. У моих сокурсников и друзей родилось и окрепло ощущение личной сопричастности к переменам, появился подлинный смысл учебы, работы, жизни. Вместо учебников по «научному коммунизму», мы взахлеб наверстывали упущенное, передавая друг другу работы Солженицына, Пастернака, Медведева и других и посещая различные политизированные лекции, которых неожиданно возникло великое множество. В нашем философском поколении проснулась надежда, что и мы что-то значим в жизни и можем внести свой вклад в ее улучшение.

В это время я прочел книгу Панарина (1989), посвященную осмыслению французского неоконсерватизма. Это было находкой, потому что автор синтезировал и преобразовал в книге все то лучшее, с чем я уже был знаком по его реферативным обзорам. В частности, здесь Панарин формулирует одну из центральных идей своего творчества — необходимость общественной социокультурной реформации в опоре не только на рыночные экономические принципы, но и широкую общественную демократизацию. Уже тогда он пророчески предупреждает об опасности разъединения и противопоставления двух этих ценностей. Соглашаясь с французскими неоконсерваторами относительно необходимости борьбы с чрезмерной централизацией государства путем высвобождения предпринимательской инициативы, Панарин недвусмысленно поддерживает и либералов — без демократизации нет реформации. Эта мысль развивается им как применительно к внутриобщественным преобразованиям (и не только во Франции), так и в планетарном масштабе. Поддерживая характерный для неоконсерваторов пафос культурного многообразия мира, философ отстаивает и глобальное видение мира, столь пугавшее идеологов консерватизма. Забегая вперед, скажу, что уже в этой ранней книге Панарина правильно и заблаговременно дается отповедь будущим пророкам ультралиберального «конца истории» (Ф. Фукуяма) и алармистского «столкновения цивилизаций» (С. Хантингтон).

Книга в целом была написана с горбачевских позиций. Точнее, в ней учитывалось все лучшее, предлагавшееся авторами нового политического мышления. Панарин не концентрировался, в частности, на характерном для Горбачева стремлении научить мир, как следует перестраиваться, и представить дело таким образом, что социализм и

социалистические принципы остаются первопроходческими, и весь мир вскоре последует за СССР. Отчасти, в этом идеологическом догматизме лидера перестройки коренились ее будущие поражения. Однако примерно в это же время философ выступил с острой критикой именно этого догматизма, проявившегося, с одной стороны, в настаивании на теории формации и связанным с ней принципом линейности исторического развития, а с другой – в недооценке свободной предпринимательской инициативы. Выступая с последовательно западных позиций, Панарин (1991) призывал отказаться от разделяющей мир теории формаций и признать декларируемое самими перестройщиками «единство человеческого рода».²

Своеобразие панаринской критики Горбачева состояло в подчеркивании необходимости перемен социокультурного характера в советском обществе, или по его выражению, «смены верований». В статье «Революция и реформация» (Панарин, 1991) философ вновь призывал учиться у Запада и западных неоконсервативов активизации жизненно-предпринимательской энергии и реабилитации повседневности, которые выше праволиберального и социалистического мифов о конце истории. Проводя параллели между протестантской реформацией Лютера реформацией марксизма, отстаивавшейся Эдуардом Бернштейном в борьбе с Лениным, Панарин утверждал необходимость новой реформации в России. Вместо идеологии, даже если это идеология нового мышления, философ настаивал на необходимости учиться жить повседневными человеческими заботами. «Народ, не переживший Реформацию, не умеет жить повседневностью» (Панарин 1991, с. 220). В то время как Запад пережил уже две реформации — лютеровскую и неоконсервативную, — России предстоит совершить обе, одновременно решая задачи и секуляризации сознания, и высвобождения предпринимательской инициативы. Учеба у Запада виделась Панарину абсолютной необходимостью успеха, а настаивание Горбачева на своеобразии страны представлялось ему в то время ошибочным. «Нам предстоит новое ученичество у Запада — без его прямой помощи и поддержки нам не выбраться из трясины, куда завела нас идеология революционного мессианства ... прежде чем делать акцент на глобально-цивилизированном кризисе, нам предстоит пройти путь послушничества и реставраторства. Всякая подмена особенного глобальным способна сейчас только сбить с толку и породить новые попытки выдать отсталость за преимущество, а в недоразвитости усмотреть провиденциальный смысл. Новая дезорганизация такого рода означала бы окончательную гибель». (Панарин, 1991, с. 220). Философ, таким образом, все больше отдалялся от горбачевцев, связывая с идеологическим догматизмом перестройщиков пробуксовывание реформ и последовавший вскоре развал страны. Однако спустя некоторое время, его постигает разочарование в западничестве как философии перемен.

3. Критика западничества и борьба за национально-либеральный проект для России

Распад страны, утверждение у власти популистско-западнического в своей основе режима и начало экономических реформ по модели «шоковой терапии» круто меняет отношение Панарина к западничеству. Убежденный сторонник последовательно демократических, а не только рыночных преобразований, он сразу чувствует элитарность новой власти, презрительно и высокомерно относящейся к собственному народу. И что не

² О критике теории формации и других спорах позднесоветского периода, см. подробнее: Цыганков 2002.

менее опасно, номенклатурная в свое основе власть оказалась готовой навязать народу новую догму — на этот раз, рыночных реформ, а не коммунистического рая, — на деле защищая лишь свои собственные узкокорпоративные интересы. Вместо вынашиваемой Панариным идеи реформации как реабилитации демократической спонтанности и повседневности, стране навязывалась новая «революция сверху», в которой либерализму отводилась роль лишь новой идеологической легитимации. Либерализм как массовое подключение к политике и управлению широких общественных слоев выхолащивался, превращаясь в мифологию и служа лишь стремящейся удовлетворить свои запросы правящей группировке. Таким стало западничество послесоветской поры. Причем, при поддержке самого Запада и в особенности элиты США, активно навязывающих посткоммунистическому миру идеологию «вашингтонского консенсуса». Идеологию, которая к тому времени уже обанкротилась в Латинской Америке, укрепив позиции компрадорских элит и международных корпораций, но ничуть не способствуя улучшению жизни широких общественных слоев.

Панарин раньше многих понял происшедшее и посчитал невозможным для себя поддерживать такого рода реформы. Вместо этого, он пытается нащупать национально-реформистский проект, оставаясь при этом в рамках выстраданной им философии либерализма. Для философа либерализм сложился как система взглядов, ставящая в центр политическую, экономическую и социальную свободу личности. Демократия, писал он, есть создание условий для «самодеятельного существования» и тогда имеет шанс «стать общенациональной ценностью, когда она ... способна верифицироваться в опыте массовой хозяйственной, политической и социокультурной самодеятельности» (Панарин, 1996а, с. 29). Политическая демократизация, также как и развитие предпринимательской и иной общественной инициативы, являются сутью и смыслом либеральной философии. Поэтому либерализм принципиально эгалитарен, а не элитарен или иерархичен, как консерватизм, который исторически апеллирует к правящим и культурно-идеологическим элитам как опорам традиции. В отличие от социализма, однако, либерализм стоит на почве реформистского, а не революционного изменения общества, и потому выступает за подключение масс к общественному управлению через использование и совершенствование имеющихся политических институтов. Этот последний пункт также принципиально важен для панаринской концепции либеральной реформации, которую философ четко отграничивал как от навязываемой массам «революции сверху», так и от массовой стихии насилия или «революции снизу».

Таким образом, позитивная программа либерализма принципиально отличается от программы консерватизма. Либерализм реформирует общество и задается вопросом: «Как измениться и стать более свободными?» – в то время как консерватизм стремится удержать уже завоеванные позиции и ответить на вопрос «как выжить?» Естественно, что контекст, в котором ведется поиск ответа на эти вопросы, изменчив и задается крупными историческими сдвигами. Например, стремясь сохранить имперскую государственность в условиях свершившейся социалистической революции, Сталин ввел в обиход теорию «социализма в отдельно взятой стране». Стремясь предотвратить распад государства в постсоциалистических условиях, ряд российских державников-консерваторов сформулировали концепцию России-Евразии, ответственной за поддержание стабильности в бывшем СССР. Подобным же образом, и либерализм обладает национальной и

контекстуальной спецификой и не функционирует вне ее. Никакие реформы не будут успешны, если они осуществляются в отрыве от национальной культуры и традиции.

Из этих истин и исходил Панарин в своих поисках национального пути российского реформирования. В западных реформах новой правящей элиты он увидел ту самую опасность утверждения рыночных принципов за счет общественной демократизации, о которой предупреждал еще в своей критике французского неоконсерватизма. Многие в то время, в том числе и в либерально-демократическом лагере, указывали на пагубность такого рода «номенклатурного капитализма» (Радаев 1992; Клямкин 1993; Буртин и Водолазов 1994). Но мало кто попытался пойти дальше критики номенклатурного западничества и попытаться сформулировать непопулярно-«почвеннические» принципы альтернативного либерального реформирования. На моей памяти Александр Панарин был одним из первых. Уже в середине 1992 года в своей второй статье в «Знамени» он указал на поражение «цивилизационного процесса» в России и впервые попытался сформулировать необходимые для российского либерально-демократического мышления «культурологические и геополитические интуиции, обусловленные укорененностью в национальную культуру и традицию» (Панарин, 1992).³

Что это за интуиции? Прежде всего, он предлагает демократам задуматься над тем, почему их демократизация сопровождается нарастанием процессов дестабилизации и распада государства. «Реформы, средством которых является последовательная дискредитация национальной традиции и подавление импульсов народной воли ... быстро ведут к кризису государственности». (Панарин, 1992, с. 205). В этой связи, Панарин указывает на необходимость конструктивного переосмысления отечественных вековых исканий русской идеи и русского патриотизма. В опоре на Н. М. Карамзина, В. О. Ключевского и Г. П. Федотова он настаивает на необходимости выработки нового вида патриотизма, не имеющего ничего общего ни с «партийным патриотизмом» новой номенклатуры, ни с этнической идеей русского национализма. Вместо этого, он призывает осмыслить русскость и российскость как тип духовности и тип цивилизации, скрепленный великой геополитической идеей, роль которой некогда принадлежала православной религии. Новая геополитическая идея видится ему как необходимая для России не в противостоянии Западу, а в скреплении постсоветского пространства и организации «отпора активизирующемуся фундаментализму».

В данной статье мыслитель еще не формулирует внятно, что же это за геополитическая идея. Вместо этого, он вскользь упоминает возникновение альтернативных атлантической вестернизации проектов, как, например, представленная Германией и Швейцарией и важная для России «центральноевропейская модель». Но уже в 1993 году как в «Знамени», так и в многочисленных статьях в периодической печати Панарин выдвигает идею «цивилизованного евразийства». Признавая несовершенство самого термина «евразийство», скомпрометированного поддержкой большевиков – как философами 1920-х годов, так и новыми ультраконсерваторами – Панарин все же не видит ему альтернативы в защите цивилизационной специфики России. При этом он прикладывает значительные усилия в стремлении отмежеваться от евразийцев ультраконсервативного направления, связанных с газетой «День» (впоследствии «Завтра»), а также журналами «Элементы» и

³ В национально-либеральном ключе была написана и следующая статья в том же журнале (Панарин 1993а).

«Наш современник» (Панарин, 1993а, 1993б, 1993в, 1993г, 1994, 1995а, 1995б). Подобно Л. Н. Гумилеву (и опираясь на него), эта группа активно развивала в своих работах изоляционистские и антизападные установки.

Отвоевывать евразийство у ультраконсерваторов едва ли не в одиночку было делом чрезвычайно сложным — консервативное евразийство уже заявило о себе со второй половины 1980-х и все более открыто бралось на вооружение влиятельными политическими силами, как например КПРФ Геннадия Зюганова (1995, 1998). Сложность заключалась и в том, что Запад своим поведением в отношении России нередко усиливал позиции российских ультраконсерваторов. Поддерживая разрушительную для страны «шоковую терапию» и одергивая Россию в ее попытках самоопределиваться с национальными интересами, западные лидеры невольно для себя способствовали развитию антизападных настроений.

Панарин, однако, воздерживается от утверждения своего евразийского мировоззрения как в основе своей антизападного. Вместо этого, его критика нового консервативного евразийства напоминает критику старого евразийства другим замечательным отечественным философом Н. А. Бердяевым, считавшим новомодное течение защитником восточного партикуляризма и противником характерного для России духа всечеловечности и всемирности. Вместо творческого преодоления российского социокультурного раскола между западнической и почвеннической традициями, евразийцы-консерваторы предложили упрощенное решение — принудить западничество к безоговорочной капитуляции, устранив его влияние на российскую культуру (Панарин, 1993в, с. 69). Консервативное евразийство лишь вновь возносит на свой щит большевизм как противостоящий Западу, в то время как задача, считал Панарин, состоит в том, чтобы выработать альтернативу большевизму.⁴ Развивая свою версию евразийства, философ одновременно продолжает оппонировать атлантистско-западническим проектам правящей верхушки и их модификациям, отказывающимся в доверии социокультурному своеобразие России.⁵

Одновременно философ подвергает переосмыслению одно из важнейших и исходных для него понятий — «реформация». Если в период западничества реформация связывалась Панариным с секуляризацией общественного сознания и высвобождением народно-предпринимательской инициативы, то теперь вводится новый пласт — под реформацией подразумевается новый духовный переворот глобального характера. Речь больше не идет о послушном следовании Западу в создании необходимых для развития социокультурных и политических предпосылок. Запад сам видится как находящийся в состоянии кризиса и нуждающийся в реформировании основных приоритетов и принципов своего жизнеустройства. В этом Панарин следует философии гуманистического направления, на Западе нередко связываемой с именами К. Ясперса, Х. Гадамера, А. Тойнби, Ю. Хабермаса и других, а в России — с теми, кто подобно В. Соловьеву, Н. Бердяеву, В. Вернадскому, Н.

⁴ «Те, кто ведет происхождение большевизма от старой ‘русско-азиатской’ традиции и пытается таким образом примирить национальное сознание с большевизмом, вместо творческого ответа на вызов времени фактически предлагают реставрацию. Евразийство и большевизм, вопреки утверждениям публицистики ‘Дня’ и ‘Нашего современника’ противоположны» (Панарин, 1993а, с. 161).

⁵ К одной из таких модификаций Панарин относил, например, идею «второй Европы», выдвигавшуюся его коллегами по Институту философии (См.: Панарин, 1996а). О важности этой темы для философа свидетельствует и то, что он выносит название процитированной статьи в заглавие одного из первых сборников своих статей, опубликованного издательством Института философии (Панарин, 1996б).

Библеру и Н. Моисееву всегда стремился мыслить глобально, осмысливая роль России в мировой истории и в связи со сдвигами в духовных структурах современного мира. Как и многие философы-гуманисты, Панарин считает необходимой планетарную реформу и избавление от погони за материальным потребительством, прибылями и новыми технологиями в ущерб развитию духовности и культуры. Он полагает важным вести речь о смене философии историзма как линейного принципа человеческого развития, в котором есть «ведущий» и «ведомый», философией культурно-цивилизационного диалога. Следуя традициям гуманистической критики проекта «Современность», мыслитель настаивает на существовании и переплетении в мире экономического, политического, экологического и духовного кризисов, ни один из которых не может быть разрешен на путях западничества (Ильин, Панарин, Ахиезер 1996⁶; Панарин 1996б; Панарин 1996в). Парадоксально, но в этом он повторяет некоторые (и ранее критиковавшиеся им) положения нового политического мышления, также ставившего в центр своего внимания понятие «кризиса» современной цивилизации.

Вводя новое толкование понятия «реформации», философ не отказывается и от старого, по-прежнему считая необходимым российское движение по пути развития общественно-предпринимательской инициативы и высвобождения общества от догм идеологии. Несмотря на некоторую противоречивость (о которой будет сказано чуть позднее), такое соединение глобального гуманизма с либерализмом оказывается возможным. Панаринское евразийство вполне совместимо с либеральными принципами и способствует их утверждению. В задачи евразийской идеи входило сохранить необходимый для реформ уровень геополитической стабильности и культурного равновесия. Она виделась философом в качестве социокультурной гарантии продолжения начатых либеральных реформ. В политическом отношении выдвижение этой идеи объяснялось им важностью создания условий для «самодеятельного существования», в число которых входила и самореализация различных национальностей и этнических групп во имя общего блага. Евразийство Панарина было либеральным и потому что органически взаимодействовало с другими сформулированными философом принципами национально-либеральной реформации. Среди них три представляют важность и сохраняют свою актуальность: принцип отделения власти от собственности, приоритет активизации мелкого и среднего предпринимательства и сильная президентская власть для осуществления общего руководства реформами.

Слияние власти и собственности виделось Панариным как одно из наследий социализма, полностью сохранившееся, однако, и в условиях «номенклатурного капитализма». Новая экономическая система родилась в результате перехвата приватизации элитой, родовыми узами связанной с прежней системой, а круговая порука вновь возникших капитанов номенклатурного бизнеса превратилась в главное препятствие свободной рыночной соревновательности.

С продолжившимся в новых условиях срастанием власти и собственности философ связывал и слабость мелкого и среднего бизнеса — основы «народного капитализма» и возникновения нового среднего класса. Вместо этого утвердился крупный бизнес олигархов, душащий низовую инициативу и самодеятельность.⁷

⁶ См. главы, написанные Панариным, особенно сс. 258-266, 359-391.

⁷ Впоследствии эта тема подробнее развивалась Панариным (1995в, 1995г).

Но главное, «народный капитализм» не может возникнуть и успешно развиваться без сильной государственной власти. Только такая власть способна обеспечить равенство возможностей на рынке и уберечь производителя и потребителя от произвола монополистов. Панарин видел роль государства в защите «слабых перед сильными». В одной из своих лучших статей он писал, что «цивилизация может утверждаться только на основе идеи справедливости». При этом под «слабыми» понималось свободное предпринимательство. «Сегодня в России [такая идея] связана с 'демократией свободы' — с преодолением монополии прежней номенклатуры на экономическую, политическую и национально-государственную инициативу. Сегодня социальная 'сострадательность' больших цивилизационных решений в Евразии должна быть обращена к тем, кто хочет и может работать, но скован силами бесчисленной номенклатурно-чиновничьей мафии, готовой извести страну, чтобы только сохранить свою власть». (Панарин, 1993а, с. 159). Этот мотив стал одним из основных в последующих панаринских работах, и он не раз высказывал опасения в связи с вырвавшимися наружу «демонами» безудержного сепаратизма, мафиозных структур и празднотлюбия. Вновь и вновь он предупреждал, что развитие в России идет по революционному пути, в условиях которого недалеко и до смены «безграничной свободы» «бесконечным деспотизмом» (Шигалев). Неистовым западникам, опасался мыслитель, еще предстоит стать «восточниками» (Ильин, Панарин, Ахиезер 1996, с. 240).

Увы, развитие, как мы знаем, пошло не пути укрепления государственности в панаринском смысле. Вместо защиты предпринимательской свободы и инициативности от посягательств номенклатуры, ельцинское государство, по сути, превратилось в заложника нового номенклатурного или олигархического бизнеса, уверяя изумленную общественность, что благо Газпрома и есть-де благо общества.

Не во всем Панарину удалось быть последовательным в своем утверждении демократически-либерального или «цивилизованного» евразийства. Настораживали, в частности, три момента. Во-первых, в его работах время от времени пробивались попытки объявить свой вариант евразийства «неоконсервативным» по модели изучавшейся им западной «неоконсервативной волны» (Панарин 1995а, Панарин 1995д). В свете его ранней гуманистической критики западного неоконсерватизма за элитарность и страх перед культурной и политической самодеятельностью, попытки объявить демократическое евразийство как неоконсервативное вряд ли способствовали прояснению существа дела. Не способствовали они и трудному делу размежевания с ультраконсерваторами дугинско-зюгановского направления, тоже стремившихся занять нишу неоконсерватизма в новом политическом спектре России. Во-вторых, уже на ранних этапах своего развития в евразийском направлении у Панарина обнаруживалось и некоторое заигрывание с идеей авторитаризма (Панарин 1993б, с. 13). Сильная президентская власть не должна была отождествляться философом, но в ряде случаев отождествлялась, с авторитарным правлением. У выборной и потому демократически легитимной власти должно быть достаточно сил для выполнения возложенных на нее обществом задач. Наконец, в-третьих, у панаринского евразийства уже обнаружились зачатки антизападничества. Мыслитель всячески стремился обосновать евразийство внутреннецивилизационными задачами. Но раздражение действиями Запада, подчас откровенно поддерживавшего грабительскую политику нового российского режима, иногда все же сказывалось на выступлениях

философа. В результате необходимость евразийства под его пером иной раз обосновывалось тем, что Запад или Европа нас-де не принимают (Панарин 1995а, с. 69), порождая ложные стимулы для дальнейшего развития плодотворной в целом идеи.

Эти слабости и противоречия, однако, были в определенной мере неизбежны, ведь либеральное евразийство находилось лишь в начале своего пути. Панарин был первопроходцем, и в то время у него почти не было сторонников. Среди международных уже возникала оппозиция атлантистскому внешнеполитическому курсу Ельцина-Козырева, связанная с именами Е. М. Примакова и С. Б. Станкевича. Однако никто еще не ставил всерьез задачу создания целостной теории либерального евразийства, включающей в себя как внешнеполитические аспекты, так и программу новой социально-экономической реформации общества. Трудность заключалась и в том, что Панарин стремился оставаться на центристских позициях, а центристам, как известно, приходится особенно трудно во времена революций и революционной поляризации общества. Стоит только вспомнить, что мировоззрение «цивилизованного евразийства» развивалось философом в условиях конфронтации Ельцина и оппозиции, нарастающей этнической дестабилизации как внутри страны, так и в пограничных государствах, а также крепнущего давления Запада на Россию. Формировать новую идею реформирования, оппонировав радикальным западникам и антизападникам одновременно было сложнейшей задачей, и издержки на этом пути были неизбежны. Важно, однако, подчеркнуть, что отмеченные слабости теоретизирования ученого были именно слабостями; в то время они не доминировали, не задавали тон в панаринском мышлении и при определенных условиях могли совсем исчезнуть.

4. Разочарование в либерализме и новые интеллектуальные поиски: умеренный и радикальный консерватизм

Однако такие условия для укрепления панаринского либерального евразийства в то время отсутствовали. И чем агрессивнее правящий режим навязывал обществу новую догму прозападной рыночной демократии, чем разрушительнее оказывались последствия провозглашенной «либеральной» политики, тем сложнее было философу удержаться на либеральных позициях. Логика отторжения в эпоху революции оказывается сильнее логики компромисса и конструктивного корректирования. Примерно с середины 1990-х годов отмеченные выше «слабости» панаринского евразийства начинают приобретать новый смысл, оказывая важное влияние на сам характер его мышления.⁸ «Либерализм» перестает быть нуждающейся в своей защите надеждой и все чаще используется философом без кавычек и как нечто заслуживающее порицания. Все реже упоминается необходимость

⁸В 1995 году в своих публикациях в известном академическом журнале «Полис» Панарин все еще стремится защитить принципы либерализма и сам этот термин. В совместной публикации с И. К. Пантинным и А. А. Кара-Мурзой — впоследствии видным идеологом Союза Правых Сил — Панарин защищает «либерально-государственническую» идею как «наиболее перспективную в современной России» (Кара-Мурза, Панарин, Пантин, 1995, с. 16). Весьма определен он и в защите Запада — постольку, поскольку он связан с либеральной идеей. Так, в споре с Цымбурским, завязавшемся в ходе обсуждения известной статьи Хантингтона «Столкновение цивилизаций», Панарин настаивает на принципиальности различий между фашизмом и либерализмом. В выступлении Цымбурского, желавшего представить Хантингтона и Запад как деградировавшим в направлении фашизма, Панарин увидел попытку ревизии итогов второй мировой войны: «недооценивать противостояние великой либеральной идеи и фашистской идеи в самой Европе нельзя. Сказать просто, что либерал — это тот же фашист, только обращенный вовне, я думаю, это очень опасная ценностная ревизия того, что произошло во второй мировой войне» (Панарин, 1995е, с. 147).

развития предпринимательства, но зато все громче звучит мотив укрепления государственности в целях защиты России от угроз, в том числе и со стороны Запада. Забыт являющийся фундаментальным для либералов вопрос «как изменить общество», и на смену ему приходит не менее актуальный «как выжить?» Тем самым, некогда критиковавшийся философом «геополитический пессимизм» все заметнее превращается в существо его евразийского мировоззрения.

Хотя мыслитель продолжает стремиться к сохранению академической нейтральности и умеренности оценок, по ряду своих идейных позиций он по существу сближается с представителями ультраконсервативного лагеря. Думается, что в этом отношении Рубиконом для него становится конец 1990-х годов, связанный с отправлением в отставку умеренного Примакова с поста премьер-министра, бомбардировкой НАТО Югославии, а также заметно усилившейся критикой России Западом в связи с войной в Чечне и внешней политикой в бывшем СССР. Примерно в это же время начинается активное сотрудничество Панарина с одним из ведущих консервативных журналов «Москва», в то время как в либеральных изданиях его публикации появляются все реже. Запад перемещается в центр критики Панарина и рассматривается им теперь — в зюгановско-дугинском духе — как основа бедствий и несправедливостей в мире. Значительная часть его крупных работ, таких как «Искушение глобализмом», «Православная цивилизация в глобальном мире» и «Стратегическая нестабильность в XXI веке», по существу, посвящена критике западной роли в мире. Даже террористические атаки на Америку 11 сентября 2001 года не колеблют убеждения философа в том, что выход из всемирного кризиса должен, прежде всего, подразумевать изменение глубинных принципов западной цивилизации. Само выживание российской цивилизации связывается теперь Панариным с противостоянием Западу и необходимым для этого восстановлением православной духовности и государственности сталинского типа. В этой связи характерно его резко критическое отношение к правлению Путина.

Рассмотрим подробнее, как изменилась интерпретация философом основных разрабатываемых им тем евразийства, реформации, предпринимательства и роли государства.

Прежде всего, новые работы Панарина все определеннее ставят крест на развиваемой им ранее концепции «цивилизованного евразийства» и все определеннее утверждают ранее подвергавшееся им критике «геополитическое» или конфронтационное евразийство. Раньше философ стремился отмежеваться от консервативных геополитически ориентированных евразийцев дугинско-зюгановского направления, осуждая их склонность к культурно-фундаменталистскому или «натуралистическому» пониманию российской цивилизационной специфики, антиреформаторский изоляционизм и провоцирование конфронтации с Западом.

Ранний Панарин, в частности, не принимал характерное для Гумилева понимание России в Евразии как принципиально чуждого Европе «суперэтноса», считая такое понимание чрезмерно «натуралистическим» и неспособным к творческому переосмыслению российской цивилизационной специфики. Далек он был и от свойственных русскому национализму заблуждений панславизма или этнически чистой русской цивилизации (с соответствующе подозрительным отношением к евреям, а также представителям других нерусских народов). Для него речь шла идти о «специфическом типе цивилизации», «не

являющейся ни собственно славянской ... ни исключительно православной, ни ... азиатской» (Панарин, 1993г, с. 11). Важно и то, что философ именовал свое евразийство постсовременным и посттрадиционным в противовес нео-традиционализму его оппонентов из «Дня» и «Нашего современника». Новый же Панарин возносит на щит именно традиционное понимание российской специфики, подчеркивая первоочередность православной религиозности (Панарин, 2002а) и настаивая на пагубности для России еврейского влияния. Так, в книге «Искушение глобализмом» философ рисует полуапокалиптическую картину узурпации глобализации спецслужбами, евреями и Америкой. Связывая между собой такие далекие фигуры, как Карл Маркс, Лев Троцкий и Борис Березовский, он стремится обосновать немислимый тезис, что евреи по самой своей природе склонны к разрушению культуры вообще и российской в частности. В другом месте он прямо называет глобализацию «евреизацией мира» и соответствующим для нее «освобождением от государственного долга и национальной ответственности» (Панарин, 2000, с. 72-86; Панарин, 2003а).

Не менее показательна и эволюция отношения мыслителя к Западу, непримиримая критика которого все более вытесняет позитивную программу российских реформ. Вспомним, что ранее Панарин полагал, что России есть чему поучиться у западной цивилизации, решительно отвергая тезис ультраконсерваторов о фашистско-тоталитарной деградации Запада. На новом этапе своего развития философ продолжает настаивать на либеральности Запада, но теперь считает злом и причиной мировых бедствий именно эту либеральность. В книге «Глобальное политическое прогнозирование», он прослеживает как либерализм «утратил мотивы социальной солидарности и сострадательности» в борьбе с кейнсианством и советским социализмом, в конце концов, превратившись в обоснование американского экспансионизма и гегемонизма (Панарин, 2000, сс. 212-214). Полагая, что либерализм перестал быть «путеводной нитью», Панарин считает теперь, что новое время «найдет иное идейное олицетворение, иное знамя» (Панарин, 2000, с. 57). Характерно, что он больше не стремится и к проведению различий между фашизмом и либерализмом. Полагая, что современный западный либерализм оказался еще более опасен и разрушителен, чем коммунизм (Панарин, 2000, с. 373),⁹ он проводит параллели между поведением Запада и Гитлера, а также сравнивает политику Запада с апартеидом в мировом масштабе. «Мы долго думали, что фашистский социал-дарвинизм и расизм — это случайная девиация западной цивилизации, связанная с заранее обреченным бунтом архаичного континентального начала, олицетворяемого Германией ... Сегодня социал-дарвинистский принцип мировой расы «избранных», противостоящей криминальной массе «недочеловеков», кажется, утверждается в самом центре победоносного атлантизма, охваченного эйфорией однополярности» (Панарин, 2000, с. 111; Панарин, 2002б). Действия Запада Панарин рассматривает как развернутую им мировую войну против остального мира, которая имеет под собой культурные, а не политические корни, ибо «соответствует той духовной программе, которая заложена в современной истории, заложена в самосознании современного Запада и (в первую

⁹ В другом месте Панарин характеризует либерализм следующим образом: «впервые после явления Христа мы наблюдаем столь беззащитный культ силы и успеха» (Панарин, 1999а, с. 189).

очередь, США)» (Панарин, 2002в, с. 46).¹⁰ Другие, нередко используемые философом в данном отношении эпитеты, включающие в себя «экономический тоталитаризм», «либеральный джихад» и даже «антихрист», также не оставляют сомнений в его резко негативном отношении к Западу и либерализму в целом. В этом мыслитель совпадает с представителями радикального российского консерватизма.

В Евразии, считает Панарин, западная стратегия состоит в раздроблении и уничтожении еще сохранившейся целостности континента и самой России. В характерном для российских ультраправых конспиративном духе, он трактует такие разрозненные события, как убийство американского президента Кеннеди в 1960 году и террористические атаки в США в сентябре 2001 года как связанные между собой действиями спецслужб, выработавших некую долгосрочную программу уничтожения сопротивления своему стремлению править миром. Экономически Запад целенаправленно переводит Россию в «четвертый мир», лишившийся национально-ориентированных элит и находящийся в состоянии распада (Панарин, 2001а). Эта стратегия подкрепляется усилиями раздробить культурную целостность России и континента, в которой против Евразии используется идея «столкновения цивилизаций» (С. Хантингтон). Ведь смыслом идеи, противопоставляющей православие исламу, является противопоставление России мусульманскому миру (Панарин, 1999с). В этих же целях, считает философ, вбрасываются в российское дискурсивное пространство идеи большей децентрализации, проводившиеся в частности в книге З. Бжезинского «Большая шахматная доска», а также идеи атлантической идентичности ряда российских регионов (Новгород, Псков, Петербург) (Панарин, 1999б). Не менее опасны, по его мнению, и расслабляющие культурную целостность идеи теоретиков постмодернизма (Панарин, 2002а).

Поскольку критика Запада оказывается в центр философствования Панарина, его позитивная программа в основном сводится—еще один контраст с более ранними периодами его творчества—к противостоянию западной цивилизации и, прежде всего, США. В частности, радикальным образом переосмысливается ключевое для раннего Панарина понятие «реформация». Если ранее под реформацией мыслитель подразумевал необходимое создание культурных предпосылок рыночных реформ, а также важность изменений в системе мышления современного общества, то теперь тема реформации им почти не поднимается. В тех же редких случаях, когда необходимость глобальной реформации упоминается, философ связывает ее успех с необходимостью изменений на Западе. За спасением, считает он, следует обращаться к Востоку и восточной мудрости, для которой несвойственны безудержная погоня за прибылями и потребительский гедонизм (Панарин, 1998, с. 163). Сам капитализм и его формирование более не связываются Панариным с протестантской этикой и хозяйской аскезой. Для осмысления современного капитализма, полагает теперь мыслитель, лучше всего подходит не М. Вебер с его тезисом о «протестантской этике», а Г. Зиммель, подчеркивавший денежно-спекулятивный, а не производительный характер капитализма (Панарин, 2000, с. 171).¹¹ Современный капитализм, по его мнению, порождает нового люмпена, ориентирующегося лишь на

¹⁰ Обоснованию идеи, что стратегическая нестабильность и новая мировая война выгодны Западу, посвящена книга последняя объемная книга философа (Панарин, 2003б).

¹¹ В другом месте Панарин подчеркивает еврейские (а не протестантские) корни современного капитализма (Панарин, 2001б).

потребление и «не знающего высших измерений бытия, не имеющего никаких обязательств перед историей и культурой» (Панарин, 2002б). Выдвигая этот крайне сомнительный с точки зрения данных науки тезис, философ подкрепляет его и уж вовсе одиозным «фактом» – в Америке-де отсутствует реальная экономическая мотивация, и поэтому «добрая половина американцев предпочитает не работать, а играть на бирже» (Панарин, 2001с, с. 51). Динамичная Америка предстает под пером нашего автора скучающим обществом потребителей, не знающих чем бы еще заняться, кроме финансовых спекуляций и утверждения военного господства в мире.

Наряду с изобличением западной реформации как средства выхода из глобального и российского кризиса, философ формулирует и ряд рекомендаций геополитического свойства по сохранению Евразии и евразийской самобытности. Эти рекомендации также роднят мыслителя с его прежними оппонентами. Несмотря на все еще встречающиеся в его работах критические упоминания «неотрадиционалистской» и «силовой» геополитики (Панарин, 1998, с. 212; Панарин, 1999с, с. 81), Панарин фактически смыкается с ее представителями. Вместо подчеркивавшегося им ранее сосредоточения на решении внутренних социально-экономических задач, он выдвигает в качестве главной цели не допустить никаких уступок Западу и не стать «вторым Мюнхеном» (Панарин, 1998, с. 348). В качестве сверхзадачи противостояния западному глобализму, философ настаивает на необходимости воссоздания идентичности Третьего Рима (Панарин, 1999д). Для достижения этих целей в характерном для примаковской дипломатии духе он советует России «реинтегрировать» бывший СССР, а также объединяться и создавать союзы со всеми, кто только выразит интерес противостоять западным державам. Принципиальным для него, также как и для Примакова и его сторонников, является союз с Индией и Китаем (Панарин, 1999с, сс. 216-17, 225, 275, 310). Панарин полагает, что Россия должна заняться развитием Сибири, в результате чего может осуществиться поворот к Китаю. В качестве альтернативы он предлагает перенести усилия на вовлечение в союз «колеблющихся» Германии и мусульманского мира (Панарин, 1998, сс. 350-369). От этого геополитического оппортунизма — все что угодно, лишь бы показать Западу, что есть еще порох в пороховницах — рукой подать до рассуждений Зюганова и Дугина. С последним, кстати сказать, сближает Панарина и терминология неизбежности геополитического противостояния суши (Россия и др.) и моря (США и др.)¹²

Консервативной является и эволюция воззрений Панарина на экономические преобразования России. В своей в целом умеренно консервативной книге «Реванш истории» мыслитель все еще защищает необходимость высвобождения предпринимательской энергии и развития народного капитализма, смысл которого заключается для него и в предупреждении нового авторитаризма (Панарин, 1998, с. 71, 225-234, 252). Предпочитая прусский или «юнкерский» (в противовес американскому) путь развития, он высказывается в частности в поддержку государственно ориентированного, ответственного предпринимательства.¹³ Однако постепенно — и чем дальше, тем решительнее — идея хозяйственно-предпринимательской аскезы подменяется в панаринских рассуждениях идеей

¹² См. мой обзор геополитических работ Зюганова и Дугина в сравнении с более идеологически умеренными авторами (Цыганков, 2003). Сходство с Дугиным особенно очевидно в работе Панарина «Глобальное политическое прогнозирование» (1999с, с. 265, 274, 281).

¹³ Эта тема не оставляла философа до последних дней его творчества и поднималась им, в частности, в одной из последних статей в периодической печати (Панарин, 2003а).

служения государству («служилая аскеза»). В своей речи по случаю вручения ему премии А. И. Солженицына в 2002 году Панарин недвусмысленно говорит о том, что защищать российские традиции и надежды предпринимательства — это легкий путь. Гораздо более сложной и важной ему видится теперь «реабилитация» российского народа как неадаптированного к рыночным условиям. «У нас должны быть инстанции, которые не приспособлены к рынку... может быть, такой загадочной исторической инстанцией в мире является и сам русский народ, не совсем адаптированный к рынку. Может быть, ему дано защищать те ценности, которые заведомо нерентабельны и потому преследуются рыночниками. И может быть, когда-нибудь история воздаст ему за это» (Панарин, 2002с).

В другом месте, выступая в редком теперь для него либеральном издании, философ недвусмысленно возлагает ответственность за все беды и противоречия экономических реформ на либералов и глобалистов, освобождая от такой ответственности «традиционалистов» и прошлую коммунистическую систему (Панарин, 2002д). Предпринимательство и развитие капитализма в России, хотя и не снимаются с повестки дня полностью, явно отходят на задний план, уступая место поискам политического и культурного противостояния западному глобализму. Не случайно, защищаемая философом социальная коалиция сил включает в себя гуманитарную интеллигенцию и «новые радикальные движения» в мире, но не включает предпринимательство или средний класс. Подобно классикам марксизма, он борется теперь с наступлением глобального капитализма, считая «главной надеждой и опорой» «униженных и обездоленных» (Панарин, 2000, с. 373, 377).¹⁴

Весьма показательной с точки зрения новых взглядов Панарина на экономические реформы является его критика «нового курса» В. Путина. Это критика традиционалиста, убеждающая в том, что философ больше не считает рыночные преобразования в России необходимостью. Экономические перемены, связанные с реформированием земельной, жилищно-коммунальной и образовательной сферы, осуждаются им на том основании, что способствуют социальной дифференциации («социальный апартеид»). «Некогда единая национальная система распадается на две подсистемы: для одних - подсистема развития, для других – подсистема стагнации» (Панарин, 2002е). Тот факт, что в условиях рыночной экономики социальная дифференция неизбежна, означает для Панарина необходимость отказа от самих рыночных принципов, но отнюдь не необходимость их корректировки посредством вмешательства государства. Вместо такой корректировки рекомендации философа сводятся к восстановлению принципа служения государству и созданию «интеграционного проекта», «связанного не с разрушительной концепцией естественного рыночного отбора, а с великими принципами социальной солидарности» (Панарин, 1999с).

Если бы философ все еще находился на позициях создания равных и благоприятных условий для российского предпринимательства, его критика должна была бы исходить из признания принципиальной необходимости введения элементов рыночного регулирования в указанных сферах. Такая критика должна была бы отдать должное курсу Путина и за его стремление выправить номенклатурно-олигархические вывихи ельцинской экономики. При всех трудностях и несовершенствах путинских преобразований, они идут в направлении

¹⁴ В другом месте Панарин предлагает России возглавить «новый интернационал четвертого мира» (Панарин, 2001а).

укрепления способности государства влиять на экономические процессы, создавая возможности для корректирования подчас разрушительной стихии рынка. То, что олигархи более не способны диктовать государству условия экономической политики, а государство способно собирать налоги со всех, включая представителей крупного сырьевого бизнеса (не говоря уже о выплате пенсий и зарплат бюджетникам), означает возможность снижения социальной дифференциации, не отменяя при этом основных принципов рыночной экономики. Прогрессивное налогообложение для снижения социальной дифференциации невозможно, если государство не в состоянии собрать налоги с бизнеса. В действительности, ряд действий Путина в экономической сфере вполне укладывается в сформулированную ранее Панариным логику укрепления государственности и создания равных условий для тех, «кто может и хочет работать». Увы, эта логике больше не находится места в рассуждениях мыслителя.

Наконец, Панарин-консерватор вкладывает иной смысл в понятие «сильная государственность», сближаясь в своей новой интерпретации с неокommунистами и националистами. Если ранее в задачи государства входило обеспечение равных условий на рынке и защита производителей и граждан от опасностей произвола чиновников, мафии и сепаратизма, то теперь государство воспринимается как патриархальный гарант всех прав и свобод граждан. Патриархальность государства заключается в том, что все остальные классы и сословия — бюрократия, крестьянство, рабочие и предприниматели — находятся у него на службе. Обосновывая этот принцип как «консенсус служилого государства» (Панарин, 1999е, 2003а), философ справедливо указывает на необходимость национально разделяемых обществом ценностей и этических принципов. Именно эти ценности и принципы способствовали и способствуют экономическому успеху таких стран, как Япония, Южная Корея и Китай. Однако философ ошибочно сводит эти ценности исключительно к деятельности государства и его главы. Более точным является в данном отношении другое использовавшееся Панариным понятие «хозяйственной аскезы», которое не должно подменять собой понятие «консенсус служилого государства». Ведь если государство и его глава являются единственным и исключительным гарантом, всех и вся контролирующим, то кто и что уберезит граждан от возможного произвола с его стороны? В ранний период своей деятельности ответ философа на данный вопрос заключался в поддержке выборности власти и президентского правления демократического типа, однако теперь он настаивает на необходимости вернуться к «крайне жесткой, авторитарно-самодержавной государственности» (Панарин, 1999а, с. 240).

Обосновывая свое новое понимание государственности на историческом материале, Панарин переосмысливает и роль Сталина. Развивая идеи служилого государства и настаивая на необходимости восстановления таких важнейших для российской государственности понятий, как жертвенность, державность и дисциплина, он оправдывает деятельность «Державника-Отца» (Панарин, 2003с). Того самого «Державника», который, не забудем, ответственен за физическое уничтожение трудового крестьянства и независимо мыслящей интеллигенции. Такой была цена «восстановления государства», «служилого консенсуса» и «архетипичности русской истории» (Панарин, 1998, с. 65). Однако для философа речь идет лишь о «выбивании из номенклатуры» характерного для нее «инфантильного духа» и смирении «своеволия привилегированных уклонистов». При этом российские либералы, начавшие со времени Н. С. Хрущева разоблачение Сталина,

именуются Панариным во фрейдистском духе как зараженные эдиповым комплексом отцеубийцы (Панарин, 2003с).

Таким, увы, стало понимание «сильной государственности» Панариным. Трансформация тем более удивительная, что оправдывая сталинскую самодержавную государственность, философ одновременно осуждает правление Путина как трансформирующееся в направлении диктатуры. «Ясно, что шансы нашей молодой демократии сводятся к нулю. В любом случае, уже в ближайшем будущем нас ожидает новая однопартийная диктатура» (Панарин, 2002е). Итак, путинская консолидация государства — путь к аморальной диктатуре, сталинская же — «восстановление архетипичности русской истории». Единственное, что предлагает философ для разрешения очевидного противоречия, — это не менее спорные и противоречивые суждения о том, что сталинизм якобы навязывался меньшинству, в то время как путинизм — «политика, недвусмысленно осужденная народным большинством» (Панарин, 2002е).

5. Круг замкнулся: Александр Панарин как зеркало российской революции

Итак, круг идейной эволюции Панарина можно считать пройденным. За десять с лишним лет интенсивного развития мыслитель прошел весь путь — от либерального западничества до антизападного ультраконсерватизма, во многом сомкнувшись в существе своих убеждений с вчерашними оппонентами. Печально, но вчерашний либерал сближается с А. Г. Дугиным, одной из самых непривлекательных фигур российского евразийства необольшевицкого типа и основателя консервативного движения «Евразия». Философ частично воспроизводит дугинскую логику и терминологию в своих работах, а также принимает участие в организации «Евразии» и даже входит в высший совет преобразовавшегося в партию движения. Конечно, было бы неверно ставить знак полного равенства между Панариным и представителями дугинско-зюгановского лагеря. Сложную систему взглядов философа и богатство его аргументации вряд ли можно свести к подчас провокационной и политизированной прямолинейности Дугина и Зюганова. Кроме того, интуиция подсказывала Панарину сторониться практической политики из опасения «приватизации» его идей партийно-политическими лагерями. И все же в свете проделанного выше анализа эволюции убеждений философа нельзя не сделать вывод, что те, кто, по его меткому выражению в 1993 году, предлагают «реставрацию» «вместо творческого ответа на вызов времени» (Панарин, 1993а, с. 61), фактически одержали над Панариным идейную победу, заполучив его в свои ряды.

Эволюция философа может быть охарактеризована и в свете глобального идейно-политического спектра — во многом она определялась полемикой с наиболее известными в незападном мире американскими интеллектуалами Ф. Фукуямой и С. Хантингтоном. В самом начале 1990-х годов Панарин-западник высказывал идеи, близкие «пророку» западного либерализма, хотя сама терминология «конца истории» им не использовалась и не разделялась. В конце же 1990-х годов Фукуяма превратился в интеллектуальное воплощение всех пороков гедонизма, гегемонизма и расизма, изобличаемых философом в его новых работах. Например, книга «Реванш истории» и своим содержанием, и самим названием стремится подчеркнуть свою оппозиционность Фукуяме. Не менее характерна и трансформация отношения Панарина к известному тезису Хантингтона о «столкновении

цивилизаций». Поначалу критикуя Хантингтона с либерально-евразийских позиций – как противника социокультурного диалога – Панарин постепенно переходит на те же культурно-националистические позиции, с которых он позднее оценивает теорию Фукуямы и которые аналитически близки самому Хантингтону.¹⁵ Если использовать терминологию часто цитировавшегося Панариным британского историка А. Тойнби, выбрав между «зелотизмом» (архаизмом) и «иродианством» (космополитизмом), философ остановился на первом.

Приведенная сводная таблица суммирует идейную эволюцию Панарина.

Табл. 1. Идейная эволюция А. С. Панарина от западничества к консерватизму

	Западничество (1990-1991)	Национальный либерализм (1992-1995)	Консерватизм (1996-2003)
Социокультурная система	Нация-государство	Цивилизация, «цивилизованное евразийство»	Цивилизация, антизападное евразийство
Социальноэкономическая система	Рыночное общество	«Народный капитализм»	«Служилая аскеза»
Политическая система	Парламентская демократия	Сильное президентство	Авторитарно- самодержавная государственность
Западные идейные аналоги	Ф. Фукуяма	Гуманистическая философия	С. Хантингтон

Понять причины трансформации философа непросто, но чрезвычайно важно. Слишком ценен для нас опыт национального либерализма, и слишком многие в российской истории повторили панаринский путь. Думается, что любая попытка понимания этого пути

¹⁵ Эта аналитическая близость Панарина с Хантингтоном не осталась незамеченной зарубежными исследователями (Patomaki, Pursiainen, 1999, p. 71). Более подробно о восприятии теорий Фукуямы и Хантингтона российским интеллектуальным сообществом см.: Цыганков, 2005; Tsygankov, 2004.

должна учитывать три обстоятельства. Два из них контекстуальны, третье же связано с личностью философа.

Первое обстоятельство связано с революционным характером российских преобразований. Второй раз в XX веке Россия предприняла попытку ускоренной и радикальной трансформации сложившихся политических и социальных институтов. В отличие от первой, социалистической, революции «снизу», вторая оказалась революцией «сверху», инициированной элитой при первоначальной поддержке широких общественных слоев. Однако революция потому и является таковой, что по мере ее осуществления происходит принципиальная ломка устоявшихся отношений, а вместе с ней и неизбежная поляризация политических сил и настроений. Радикально западнический в своей ориентации либерализм лишь изначально был поддержан обществом, но уже вскоре породил все более расширяющую оппозицию избранному курсу. Несмотря на разраставшийся протест, активно использовавшийся КПРФ, новый режим не изменил курса, используя подчас недемократические методы и способствуя дальнейшей поляризации в обществе. В процессе консолидации своей власти Ельцин шел на конфронтацию с парламентом, сдерживал развитие политических партий и единолично принимал жизненно важные для страны решения. Думая, что строит необходимую для управления систему власти, он в действительности создавал условия для нарастания хаоса в стране. Защищая узко корпоративные интересы правящей элиты и время от времени прикармливая ее новых представителей, дабы свести к минимуму недовольство среди «бояр», глава режима был уверен в том, что народ «потерпит», «преодолеет» и т.д. А народ тем временем вымирал, спивался и садился на иглу. Люди с совестью, подобные Панарину, не могли этого не видеть, пытаясь перевести развитие страны с элитарно-революционного на эгалитарный и реформистский путь. Но чем дальше, тем больше они должны были признать поражение своих усилий и, стремясь быть услышанными все более ненавистным режимом, занимали крайнюю и кажущуюся наиболее бескомпромиссной позицию.

Второе обстоятельство связано с неприглядной ролью Запада в российской революции сверху, от имени которого выступали новоявленные революционеры. Как мы помним, официальный Запад под предводительством Вашингтона, поддержал все «реформистские» меры ельцинского режима. Шоковая терапия, создание олигархической экономики, расстрел парламента, разгул коррупции, махинации в ходе перевыборов президента и шельмование национальной истории – все это либо открыто приветствовалось, либо молчаливо поддерживалось. Курс на преобразование мира по образу и подобию западной цивилизации, увы, не ограничивался навязыванием неолиберальной экономической политики, но и проводился в жизнь «огнем и мечем» в Африке, на Балканах, Центральной Азии и Ближнем Востоке. Казалось, что от либерального обещания Запада руководствоваться демократическими стремлениями народов мало что осталось – «демократическое» было подменено «прозападным», а «народы» все более ассоциировалось с «элитами».

Конечно, видеть в Западе только это или же полагать, что все беды России есть результат западной злонамеренности неверно. Неверно выводить внешнюю политику западных лидеров эпохи однополярности только из характера внутривнутриполитического устройства стран Запада. Неверно ставить знак равенства между политикой Вашингтона и других западных столиц. Неверно видеть злой умысел там, где нередко имели место благие

намерения и стремления к большей стабильности и безопасности. Тем не менее, благие намерения, как известно, способны увести далеко в сторону от либеральной демократии. Пока либералы в незападных странах надеялись на возобладание духа здравого смысла и сотрудничества, Запад принимал решение о расширении НАТО, бомбил Югославию и готовил почву для других «гуманитарных интервенций». Представший миру в этом и охарактеризованном выше качестве, Запад вряд ли способен вызывать всеобщую симпатию. Скорее, он усиливает антизападные настроения и ослабляет социальную базу национального либерализма в России и других незападных странах. Разочарование Панарина в формировавшемся симбиозе номенклатурно-западнического режима и его заокеанских покровителей должно быть понято именно в этом контексте.

Наконец, идейную трансформацию Панарина нельзя понять, не оценив особенностей характера и темперамента этого человека. Его идейный эгалитаризм всегда сопровождался бурей внутренних переживаний и болью за страдания России и ее народа. Патриотизм и гражданственность философа всегда были его главными отличительными качествами как в нелегкие времена советского «вынужденного молчания» (собственное выражение Панарина), так и в период постсоветских изменений. Откликаясь на ощущения широких общественных слоев, философ всегда чувствовал себя выразителем воли и настроений народа. В отличие от множества временщиков у власти, он ощущал за своей спиной дыхание великой страны и великой культуры, которую знал и понимал, и любовь к которой выстрадал всем своим жизненным опытом. Для Панарина были глубоко чужды и отвратительно попытки защищать узкокорпоративные интересы. Он был принципиально эгалитарен и стремился к защите воли и интересов большинства. Характерным, например, было его отношение к «демократическим» средствам массовой информации, ориентировавшимся на столичную элиту и до недавнего времени активно муссировавших темы столичной политики, не «замечая» фактов катастрофического снижения реального прожиточного минимума людей и ежегодного вывоза миллиардов долларов за пределы страны. В это время и в этих условиях, писал он с возмущением в связи с событиями вокруг А. Бабицкого, «задержание журналиста, являющегося российским гражданином, но работающего на радио "Свобода" и освещающего события в Чечне явно в антироссийском духе, вызвало не только бурю негодования в "демократических" СМИ, но и дало толчок массовой защитной кампании. Напротив, невиданные за последние несколько столетий экспроприация и люмпенизация большинства населения ... не устаиваются не только кампании протеста, но даже статуса простой газетной сенсации. Это возможно только при совершенно определенной – расистской презумпции: голодание и вымирание миллионов людей "местного типа" – ничто по сравнению с какими-либо неудобствами людей высшего, демократического типа» (Панарин, 2002а).

Человек особого холерического темперамента, Панарин легко зажигался и с присущей ему страстностью отстаивал свои позиции в споре. Наблюдать его «в деле» было удовольствием и несомненной школой риторического мастерства. Думаю, что стремление к публичной аргументации своей идейной позиции, столь характерное для одаренного публициста и пропагандиста, является ключом к пониманию деятельности философа. Ему трудно давалось кабинетное одиночество. Статьи он, как правило, писал за один-два вечера, не занимаясь их редактированием. Даже массивные работы последних лет нередко писались им путем наговаривания и последующего немедленного опубликования глав в журнальной

периодике. Панарину всегда и без исключения была крайне важна реакция – и желательна одобрительная – аудитории или собеседника. В противоположность любимому им А. С. Пушкину, философ чрезвычайно «дорожил любовью народной». Думаю, ошибкой было бы принимать это лишь за тщеславие. Одиночество для Панарина, по его собственному выражению, было сродни «саморазрушению», а поиск немедленной реакции аудитории лишь средством эксплуатации особой творческой энергии. Энергии и таланта, которые даны немногим. В российской традиции подобным образом работали Ф. М. Достоевский, а также философы Г. П. Федотов и Н. А. Бердяев.

Нельзя, однако, не сказать и о другом: в условиях описанной выше революционной поляризации общества именно такой холерический темперамент и подтолкнул философа к крайним суждениям радикально консервативного толка. Будучи западником в начале пути, Панарин по природе своей не мог остановиться в своей будущей критике западничества на умеренных позициях. Достоевский, как известно, не мог совладать со своей страстью картежника, оставив значительные долги после своей смерти. Темперамент, азарт – это в каком-то смысле судьба. Панарин глубоко переживал свой отказ от выстраданного им либерализма, но потому и оказался среди ультраконсерваторов, что был в начале пути радикальным западником. Остановившись посередине было не в его натуре, и поэтому свои собственные эмоции он нередко искренне принимал за разделяемые народом в целом. «Чувство меры вообще не является добродетелью, свойственной мессианским народам» (Панарин, 2002а), – писал он в последние годы. Однако воинствующее антизападничество философа – и это убедительно показывают многочисленные опросы – отнюдь не разделялось широкими слоями общества. Идентификация с Европой и Западом, при всем критическом к ним отношении, составляет важнейшую часть российского национального характера.

Случаи, подобные разочарованию Панарина в своих прежних воззрениях, имеют немало прецедентов в российской и мировой культуре. Вспомним, сколь глубоким было переосмысление своих убеждений западником А. И. Герценом под влиянием реставрации монархии в Европе. Достоевский отказался от своих ранних, сложившихся в кружке петрашевцев революционных убеждений, перейдя на консервативные позиции. Целая плеяда замечательных философов левого направления перешла под влиянием революционных событий 1905 года на позиции умеренного религиозного консерватизма, выступив со знаменитым обличением в адрес левой интеллигенции в «Вехах». На Западе после «левой волны» 1960-х годов возникло мощное неоконсервативное движение, составленное в значительной мере из вчерашних левых, однако теперь именуемое либеральными и социалистическими идеями «опиумом» (Р. Арон) или «враждебной культурой интеллектуалов» (Д. Белл). Каждый раз, когда возникает серьезная угроза подрыва основ «родной» культуры, консервативный реванш не замедлит себя ждать. Либералам всех стран и народов полезно об этом помнить.

Горькая ирония заключается в том, что ко времени перехода философа на ультраконсервативные позиции к концу 1990-х годов российская революция уже пошла на спад. После дефолта в августе 1998 года сдвинулось с места внутреннее производство, позволившее сократить импорт продуктов питания и товаров первой необходимости. Сократился вывоз капитала за рубеж, и экономическая ситуация в целом медленно, но начала меняться в лучшую сторону. Ельцинская либерализация экономики, осуществленная

варварскими революционными методами, все-таки создала элементы необходимой для экономического развития рыночной среды. При всем резко критическом отношении к методам и самому типу перемен по модели «революция сверху», нельзя не признать принципиальную необходимость проведения либерализации для создания такой среды. Крайне важно и то, что к власти пришло новое руководство, хотя и связанное родовыми узами с прежним режимом, но ориентированное на восстановление государственной способности осуществлять управление страной. Наконец, по данным различных социологических исследований, существенно возрос средний класс, извечный противник революционных потрясений.¹⁶

У многих представителей моего поколения восьмидесятников вновь забрезжила надежда на то, что они могут способствовать приходу времени, когда можно будет без страха растить детей и работать на благо России. Конечно, многое еще предстояло и предстоит сделать для предотвращения возврата к «революции сверху», и многое, увы, продолжает работать в направлении такого возврата. Тем не менее, поворот в позитивную сторону наметился, следовательно, вместо радикального противостояния новому режиму, вновь потребовались умеренные по своей ориентации идеи, как либеральные, так и консервативные. Вновь требовалось настаивать на укреплении государственности как для обеспечения безопасности граждан, так и для создания необходимых условий развития честного предпринимательства, особенно, мелкого и среднего. Требовалось формулировать национальные интересы и, не отказываясь от них, продолжать поиски адаптации к трудным условиям глобальной экономики и находить сферы соприкосновения и сотрудничества с Западом. Иными словами, требовалось развивать те идеи, которые уже были высказаны Панариным на этапе его национально-либерального философствования. К сожалению, для него этот этап уже оказался пройденным.

Путь Панарина состоялся и завершился, и далеко не все согласятся с моей его интерпретацией. Не сомневаюсь, что российские консерваторы будут настаивать на чуть ли не прирожденной консервативности мыслителя, желая видеть лишь одну сторону его идейного наследия и используя это наследие в своей политической борьбе. Значительная часть российских либералов, связывающих себя с западничеством, пока, увы, отмалчивается или же предпочитает осмысленной полемике ярлыки (Дейниченко, 2004). Наконец, западные левые (Patomaki, Pursiainen 1999) обращают внимание лишь на сходство Панарина с западными консерваторами типа Хантингтона, не замечая при этом всех сложностей интеллектуальной эволюции философа. Эта эволюция, однако, была отнюдь не однозначной, как я пытался показать в этой статье. Уверен, что идеи Панарина важны и для тех, кто еще не разуверился в либерализме, и им не следует торопиться отнести наследие философа к разряду неприложимого к реалиям новой России. У Панарина можно и должно учиться, и либералам еще придется побороться с консервативными «приватизаторами» сложного комплекса его идей. Если российскому либерализму суждено выжить и развиваться, важнейшая часть панаринского наследия – эгалитарность, антиэлитизм и ответственность за судьбу народа в целом – должна быть всецело актуализована либеральным движением. Демократия равенства и либерализм ответственности являются такими же важными частями

¹⁶ По некоторым данным, за период 1999-2003 гг. число причисляющих себя к средним слоям в России возросло с 28 до 49%, а количество samozачисленных в бедные уменьшилось с 69 до 44% (Горшкова, Тихонова, с. 136).

российского и мирового либерализма, как и демократия свободы и либерализм собственности.

6. Три урока Панарина российскому либерализму

Российский либерализм переживает не лучшие времена. Большинство россиян – и в этом их видение близко позднему Панарину – сегодня отождествляют либерализм с грабежом, коррупцией и ослаблением государства. Либеральное движение в России, как недавно признался в этом один из вчерашних сторонников ельцинизма, переживает глубокий кризис. «Сегодня мы ясно видим капитуляцию либералов. И эта капитуляция, конечно же, не только вина либералов, но и их беда. Их страх перед тысячелетним прошлым, сдобренный укоренившейся в 90-е годы могучей привычкой к бытовому комфорту. Закрепленная на генетическом уровне сервильность. Готовность забыть про Конституцию ради очередной порции севрюжины с хреном. Таким был русский либерал, таким он и остался» (Ходорковский, 2004).

По признанию все того же раскаявшегося либерала, тем, кто поддерживал губительный для страны курс революции сверху, не уйти от ответственности. Чем скорее придет это понимание, тем лучше будет и для России, и для самого либерального движения.

По-видимому, новое либеральное движение в России должно будет начать с принципиальной оценки поражения западной версии ельцинского либерализма и решительного размежевания с теми, кто не готов осудить курс на революцию сверху. Думается, что российское либеральное возрождение, если ему суждено состояться, может и должно воспользоваться наследием Александра Панарина. И хотя далеко не все в этом наследии может быть принято, либералам новой, национальной формации следует наследовать философа, по крайней мере, в трех отношениях. Им следует со всей серьезностью отнестись к трем центральным идеям Панарина, проходящим через все его творчество: эгалитаризму, осознанию социокультурной специфики России и пониманию необходимости глобальной реформации. Остановимся на них чуть подробнее.

Первый урок Панарина российским либералам состоит в том, что «демократия свободы» невозможна без «демократии равенства», и Россия не сможет развиваться успешно до тех пор, пока ее элиты относятся к своему народу как к «отсталому», «рабскому», «косному», «не понимающему важности перемен» и т.д. Бытующее сегодня в московских кругах разделение на «высокую» и «низкую» культуры лишь подтверждают устойчивость антиэгалитарных установок среди интеллектуалов и политиков. Пора понять, что освобождение народа не может быть успешным, если оно не осуществляется самим народом и на тех условиях, которые ему видятся правильными и приемлемыми. Следует помнить, что разочарование Панарина в либерализме было связано, прежде всего, с воинствующим элитаризмом и иерархизмом власть предержащих. Философ счел возможным отказаться от «демократии свободы» (и связанным с нею либерализмом), но не отказался от принципиально важной для него «демократии равенства». В лучших традициях российского либерализма Панарин настаивал на необходимости активного привлечения народа к политической и социальной деятельности. В этом он наследовал, прежде всего, российских народников и умеренных социалистов, убеждавших правителей отказаться от принципа

«привилегии сверху – закрепощение снизу». Как и народники с социалистами, Панарин был убежден в том, что миссия интеллигенции заключается в защите слабых и в напоминании власти о ее ответственности перед обществом в целом, включая тех его членов, которые не смогли адаптироваться к изменениям.

Как и во всем мире, либералы в России не смогут овладеть умами людей, если будут пользоваться репутацией защищающих сильных мира сего. Опорой либерализма может и должен стать, прежде всего, средний класс, а в его отсутствие – все те, кто, осознавая необходимость экономической свободы, понимает не меньшую важность принципа ответственности перед обществом. В современном мире либерализм давно уже, вопреки укоренившемуся в постсоветской России убеждению, связывается не только с политической свободой, но с равенством и созданием государством необходимых для общественной стабильности социально-экономических условий (Richardson, 2001). Панарин ошибался, противопоставляя Дж. Кейнса либерализму (Панарин, 1999с, 212), но он был прав в главном – без социальной ответственности нет и не может быть и общественной свободы. Это означает, что либералы не могут отворачиваться от общества и от тех, кто не приспособлен к переменам. Их прямая обязанность заключается не только в том, чтобы настаивать на равных условиях экономической игры для предпринимательства, но и в том, чтобы все социальные слои имели полноценную возможность участвовать в политическом процессе. Это означает и то, что либералы не имеют права противопоставлять себя государству, ибо только оно в состоянии осуществить необходимые функции социально-оздоровительного перераспределения национального продукта. Ответственное и социально-ориентированное либеральное движение обязано поддерживать государство и в защите безопасности граждан. В этом либералы должны блокироваться с умеренными консерваторами, ибо безопасность есть та основа общества, которая обязана находиться вне партий и групповых интересов.

Второй урок Панарина заключается в том, что Россия есть особый социокультурный организм и особая цивилизация, не понимая законов которой никакое реформирование не может быть успешным. Понимание российского своеобразия в экономическом, этнокультурном и политическом отношении – важнейшая отправная точка панаринского теоретизирования. Экономически российское своеобразие не может и не должно быть сведено к «отсталости» от Европы или Запада, как это принято в западной интеллектуальной традиции. Не обязательно соглашаться с Панариным, разочаровавшимся в самой идее рыночной экономики и подменившим ее идеей «служилой аскезы». Но необходимо признать, что общинность прежних форм российского экономического устройства продолжит оказывать влияние на то, как будет функционировать рыночная экономика в России. Либералы не обладают и не могут обладать абсолютной истиной на то, как именно и по какому образцу должны проводиться реформы в России. Вместо уверенности в наличии такого абсолютного знания, им давно пора присмотреться к российским экономическим традициям, а также довериться народному экспериментированию с альтернативными формами хозяйственной жизни. Возможно, где-то на Кубани это будет фермерство, а севернее произойдет возрождение общинных экономических форм.

Нельзя не признать и важнейшую роль государства (об этом ниже) в экономической жизни общества. В понимании этой роли новым либералам следует поучиться у их предшественников, «новых либералов» конца XIX-начала XX столетия, полемизировавших с

либералами-ортодоксами типа Б. Н. Чичерина и П. Н. Милюкова. «Новые либералы», такие как П. И. Новгородцев и С. И. Гессен, решительно выступали за подчинение экономики культурным ценностям и за активность государства в предотвращении всех форм монополизации собственности. Государство, а не частные интересы, должно играть роль арбитра в выборе модели общественного развития и доли сотрудничества в таком развитии частного сектора.

Не менее очевидна и российская цивилизационная принадлежность в этнокультурном отношении. Можно и нужно спорить с Панариным, доводившим в последние годы российское своеобразие до противопоставления западному. Но нельзя не прислушаться к философу в том, что все основные исторические попытки превратить Россию в европеизированную политическую нацию – петровская, Александра-освободителя и большевистская – заканчивались восстановлением российской цивилизационной специфики и этнокультурного плюрализма (Панарин, 1999с, 271). Добавим к этому, что и постсоветские попытки «деэтнифицировать» Россию закончились пока ничем – в стране по-прежнему сохраняется этническое и конфессиональное сожительство, и поиск его совершенствования продолжается.

Важной частью такого поиска была и остается евразийская идея. Трудно согласиться с Панариным, что России следует вернуться к Востоку на том основании, что западные традиции уже исчерпали себя. Российское евразийство нельзя противопоставлять европеизму. Цивилизационное своеобразие России не в противопоставлении Европе, а в осознании своего особого – евразийского – места в ней. Но философ, думается, был прав в своем оптимизме относительно особого духовного пространства, в которое самой историей помещена российская идея. Тесное соседство с европейскими и восточными народами создает особые возможности для культурного диалога и цивилизационного обучения. Полагая, что здесь у России имеются свои преимущества, Панарин призывал нас учиться, в частности, у представителей русского духовного ренессанса – философии космизма, всеединства и природного органицизма – в освоении пространственного и временного своеобразия, в которое помещена Россия (Панарин, 1998, 282-5).

Наконец, российская цивилизация отличается глубоким политическим своеобразием, т.е. той ролью, что исторически принадлежала институту государства и верховному представителю власти. Имевшие место в прошлом сверхцентрализация и сверхбюрократизация не могут служить причиной недоверия к государственности как институту сбережения и реформирования общества. И в бытность «цивилизованного евразийства», и в консервативный период эта идея была одна из центральных в творчестве Панарина. Либералы могут и должны подвергать решительной критике отдельных лидеров и представителей верховной власти, но непозволительно при этом ставить под сомнение сам институт российской государственности. Непозволительно противопоставлять общество, или гражданское общество, государству, поскольку без государства и государственности нет и общества. Сегодня, когда Россия сталкивается с новой грозной опасностью распространения терроризма, это должно быть особенно очевидным. Не соглашаясь с панаринской концепцией «служилой аскезы» и жестко-авторитарной власти, российские либералы, тем не менее, обязаны пересмотреть имеющийся у них нигилизм в отношении государства. Им следует принять к сведению и то, что сегодня даже Фукуяма, интеллектуальный кумир либералов-западников, занят развитием теорий укрепления государства (Fukuyama 2004).

Думается, что панаринское понятие «служилости» может быть переосмыслено либералами в направлении взаимности (а не противопоставления) обязательств государства и общества. У того же Гессена имелось, в частности, не утратившее своей актуальности понятие «права-притязания» каждого по отношению к государству и, соответственно, государства по отношению к своим гражданам (Новикова, Сиземская, 1993).

Государство может и должно сыграть особую роль и в новейший период российской истории, уберегая своих граждан от новых опасностей и помогая им адаптироваться к реальностям глобального мира. В какой именно роли выступит государство в постсоветской политической системе, покажет время. Но уже сегодня очевидно, что Россия не может быть демократией парламентского типа, и сильное централизованное государство должно остаться верховным инициатором и менеджером процессов российского реформирования. Российским либералам, при условии всеобщей выборности главы государства, следует с этим примириться и сосредоточиться на поиске оптимальных форм сотрудничества общества с государством. Вместо того чтобы настаивать на полной независимости гражданского общества, следует добиваться установления и соблюдения правовых норм допустимости участия государства. Необходимо и дальше поощрять законность и законотворчество как основу государственности. Вряд ли следует удовлетворяться известной формулой поэта, утверждавшего, что «ворюга мне милей, чем кровопийца» (Бродский). Во-первых, потому что ворюга все же остается ворюгой, а во-вторых, потому что при определенных обстоятельствах ворюга имеет тенденцию превращаться в кровопийцу.

Словом, либералам следует осмысливать вслед за Панариным цивилизационные особенности России, не отказываясь при этом от ценностей свободы, равенства и просвещения. Им предстоит пройти школу ученичества у Панарина и почвенников для понимания того, что, как минимум, в ближайшие пятьдесят лет России не грозит стать частью западной цивилизации. Россия – сама цивилизация и останется ею. Поэтому, не отказываясь от сближения и сотрудничества с западными странами, следует понимать его пределы. Следует понимать и то, что цели российского реформирования состоят не в том, чтобы и «у нас было так, как у них» («мы тоже хотим быть здоровыми и богатыми, как любили повторять западники начала 1990-х). Ведь если так, то либерализация цен, приватизация, конституция и парламент и есть конечная цель, и Ельцин был совершенно прав в своей революции сверху для ее достижения. Вместо этого либералам национальной формации следует понимать, что конечной целью должны быть не приватизация и конституция, а углубление внутренней свободы и улучшение жизни россиян таким образом, как они сами это понимают. Тогда можно будет избежать губительных социальных разрывов, характерных для всех революций сверху. Тогда либералы поймут, наконец, значимость таких факторов развития, как евразийская идентичность, геополитическая и военная безопасность. Тогда они смогут осознать всю огромность стоящих перед ними задач. И только тогда есть шанс, что связь времен не прервется, и Россия продолжит быть важной частью мировой истории.

Третий и завершающий урок Панарина российскому либерализму состоит в осознании пределов российской реформации без реформации глобального масштаба. Уже на раннем этапе своего развития через исследование западных теорий экосоциализма и неоконсерватизма философ осознал важность преодоления укоренившегося в современном мире рационалистически-потребительского отношения к природе и альтернативным

культурам. Понимание опасностей того, что мыслитель именовал «культурным, нравственным и экологическим нигилизмом модерна» (Панарин, 1997) было логически связано с его тревогой, что российская реформация лишь воспроизведет характерное для модерна отношение к действительности. Ведь если хищнический модерн уже господствует в мире, то где гарантии того, что России и россиянам удастся от них уберечься. На ранних этапах своего развития философ полагал, что преодоление модерна на самом Западе уже началось в результате неоконсервативной революции и развития гуманистической философской традиции мышления. Поэтому он считал возможным подключение российского «цивилизованного евразийства» к этому уже начавшемуся сдвигу, именуя свою версию евразийства постмодернистской. Однако ввиду постигнутого им разочарования в реформах, Панарин позднее заговорил о новом витке разрушительного модерна, а в постмодернизме усмотрел поощряемую Западом тенденцию к размыванию российских культурных устоев. Спротивление модерну он связывал теперь с российским консерватизмом и восстановлением традиции и патриархальности.

Думается, что Панарин ошибался, видя в Западе лишь бесконечно воспроизводимую логику хищнического модерна. Во-первых, потому, что в 1960-1970-е годы западные страны отчасти уже вошли в постмодерн, и сегодня здесь гораздо более активны поиски решения таких глобальных проблем, как экологическая перегрузка, бедность и распространение оружия. Во-вторых, ряд важнейших инициатив по преодолению бедности и предотвращению дальнейшего загрязнения воздуха (как например, Киотский протокол) были предложены западными странами. Запад, однако, неоднороден, и политические соображения нередко берут верх – в частности, Киотский протокол был ратифицирован большинством европейских государств, но не администрацией Дж. Буша младшего. Думаю, невозможными и ошибочными были бы и попытки вернуться к традиционным, досовременным формам жизнеустройства. Вместе с тем философ был несомненно прав в необходимости глобальной реформации, как и в том, что без активного участия Запада такая реформация не может быть успешной. Для России и российских либералов это означает необходимость активного международного поиска политических коалиций в поддержку глобальной реформации. Это означает необходимость создания и укрепления международных условий и институтов, способствующих преодолению «нигилизма модерна». Это означает поддержку и углубление европейских социал-демократических инициатив более активного строительства «мирового общества». Выход состоит не в возвращении к традиции, а в создании социально необходимых механизмов ограничения потребительского отношения к миру и окружающей среде.

Обо всех этих истинах напомнил нам своим замечательным творчеством Александр Сергеевич Панарин. Нам еще предстоит понять личность и творческое богатство философа, оценить по достоинству его заблуждения и озарения, воздать должное полету его мысли, поклониться за гражданственность и патриотизм. Надо увидеть и в полной мере осознать все муки его идейной трансформации, не опускаясь при этом до примитивных трактовок Панарина как вдохновителя антисемитизма или непреклонного поборника патриархальности. Никому не удастся и «приватизировать» право выступать от имени философа. Подобно крупным представителям российской философской традиции, таким как В.Соловьев, К. Леонтьев или Н. Бердяев, Александр Панарин принадлежит не партиям, а народу. Не подлежат сомнению честность заблуждений философа и мужество говорить во

весь голос, нередко идя против течения. До конца дней своих он стремился уберечь Россию от новых революционных потрясений, требуя от элиты ответственного отношения к народу. «Готов ли наш либерально-демократический авангард к качественному реформированию самого себя – перестройке своих рядов и своего менталитета? – спрашивал он в отчаянии за год до смерти. – Если готов, то у нас есть шанс, что к 2017 году мы не окажемся в ситуации 1917 года» (Панарин, 2002д). Готов ли политический класс к такой перестройке, покажет время.

Использованная литература:

1. Буртин, Ю., Водолазов, Г. 1994. 'Номенклатурная демократия', *Известия*, 1 июня.
2. Горшкова, М., Тихонова, Н., ред. 2004. *Россия—новая социальная реальность. Богатые. Бедные. Средний класс*. Москва.
3. Зюганов, Г. 1995. *Россия и современный мир*. Москва.
4. Зюганов, Г. 1998. *География победы*. Москва.
5. Дейниченко, П. 2004. 'Партизан «Холодной войны». Рецензия на книгу А. Панарина «Стратегическая нестабильность в XXI веке»', *Книжное обозрение*, 9 октября.
6. Ильин, В., Панарин, А., Ахиезер, Ф. 1996. *Реформы и контрреформы в России*. Москва.
7. Кара-Мурза, А., Панарин, А., Пантин, И. 1995. 'Духовно-идеологическая ситуация в современной России: перспективы развития', *Полис*, Номер 4.
8. Клямкин, И. 1993. 'Посткоммунистическая демократия и ее исторические особенности в России', *Полис*, Номер 2.
9. Новикова, Л., Сиземская, И. 1993. 'Либеральные традиции в культурно-историческом опыте России', *Свободная мысль*, Номер 15.
10. Панарин, А. 1989. *Стиль «ретро» в идеологии и политике (критические очерки французского неоконсерватизма)*, Москва.
11. Панарин, А. 1991. 'Революция и реформация', *Знамя*, Номер 6.
12. Панарин, А. 1992. 'Цивилизационный процесс в России: опыт поражения и уроки на завтра', *Знамя*, Номер 7.
13. Панарин, А. 1993а. 'Проект для России: фундаментальный либерализм или либеральный фундаментализм', *Знамя*, Номер 9.
14. Панарин, А. 1993б. 'Россия в поисках идеи: варианты цивилизационного выбора', *Вестник Московского Университета: Социально-политические исследования*, Номер 5.
15. Панарин, А. 1993в. 'Западники и евразийцы', *Общественные науки и современность*, Номер 6.
16. Панарин, А. 1993г. 'Между атлантизмом и евразийством' *Свободная мысль*, Номер 11.
17. Панарин, А. 1994. 'Россия в Евразии: геополитические вызовы и цивилизационные ответы', *Вопросы философии*, Номер 12.
18. Панарин, А. 1995а. 'Евразийский проект в миросистемном контексте', *Восток*, Номер 2.
19. Панарин, А. 1995б. *Россия в цивилизационном процессе (между атлантизмом и евразийством)*, Москва.
20. Панарин, А. 1995в. 'Джентльмены удачи в океане невзгод', *Свободная мысль*, Номер 3.
21. Панарин, А. 1995г. 'Парадоксы предпринимательства, парадоксы истории', *Вопросы экономики*, Номер 7.
22. Панарин, А. 1995д. 'Юбилей победы: итоги трех мировых войн для России', *Вестник Московского Университета: Политические науки*, Номер 9.
23. Панарин, А. 1995е. '«Цивилизационная модель» международных отношений и ее импликации. Научная дискуссия в редакции «Полиса»', *Полис*, Номер 1.

24. Панарин, А. 1996а. «Вторая Европа» или «Третий Рим»? Парадоксы европеизма в современной России», *Вопросы философии*, Номер 10.
25. Панарин, А. 1996б. «Вторая Европа» или «Третий Рим»? *Избранная социально-философская публицистика*, Москва.
26. Панарин, А. 1996в. «О возможностях отечественной культуры» *Новый мир*, Номер 9.
27. Панарин, А. 1997. «Российская интеллигенция в мировых войнах и революциях XX века», *Независимая газета*, 15 мая.
28. Панарин, А. 1998. *Ревани истории*, Москва.
29. Панарин, А. 1999а. *Россия в циклах мировой истории*, Москва.
30. Панарин, А. 1999б. «Глобальное всесмещение или новая повесть об антихристе», *Москва*, Номер 1
31. Панарин, А. 1999с. *Глобальное политическое прогнозирование*, Москва.
32. Панарин, А. 1999д. «Перспективы возрождения Третьего Мира», *Москва*, Номер 4
33. Панарин, А. 1999е. «Миссия А. С. Пушкина на исходе XX века», *Москва*, Номер 6.
34. Панарин, А. 2000. *Искушение глобализмом*, Москва.
35. Панарин, А. 2001а. «Народы без элиты: между отчаянием и надеждой», *Москва*, Номер 11
36. Панарин, А. 2001б. «В историческом пространстве хватит места для всех... Дискуссия по книге А. И. Солженицына «Двести лет вместе»», *Москва*, Номер 9.
37. Панарин, А. 2001с. *Онтология террора*, Москва.
38. Панарин, А. 2002а. *Православная цивилизация в глобальном мире*, Москва.
39. Панарин, А. 2002б. «Стратегическая нестабильность XXI века», *Москва*, Номер 4.
40. Панарин, А. 2002с. «Я на стороне народа», *Завтра*, Номер 21 (444), 21 мая.
41. Панарин, А. 2002д. «Революция сверху или реформация снизу», *Литературная газета*, Номер 2 (5863), 23-29 января.
42. Панарин, А. 2002е. «О «новом курсе». Два года спустя», *Москва*, Номер 2.
43. Панарин, А. 2003а. «Н. В. Гоголь как зеркало русского странствия по дорогам истории», *Москва*, Номер 6.
44. Панарин, А. 2003б. *Стратегическая нестабильность XXI века*, Москва.
45. Панарин, А. 2003с. «О Державнике-Отце и либеральных носителях эдипова комплекса. К 50-летию со дня смерти И. В. Сталина», *Москва*, Номер 3.
46. Радаев, В. 1992. «В борьбе двух утопий», *Вопросы философии*, Номер 4.
47. Ходорковский, М. 2004. «Владимир Путин – либерал «номер один»», *Ведомости*, 23 марта.
48. Цыганков, А. 2002. «Несостоявшийся диалог с Фукуямой: О западных идеях, многокультурном мире и ответственности интеллектуалов», *Вопросы философии*, Номер 8.
49. Цыганков, А. 2003. «Что для нас Евразия? Пять стратегий российского освоения пространства после распада СССР», *Вопросы философии*, Номер 10.

50. Цыганков, А. 2005. 'Восприятие западных международных теорий в России (уроки «диалога» с Фукуямой и Хантингтоном)', в А. Цыганкова и П. Цыганкова (ред.), *Российская наука международных отношений: новые направления*, Москва.
51. Fukuyama, F. 2004. *State-Building: Governance and World Order in the 21st Century*, Ithaca, New York.
52. Patomaki, H., Pursiainen, C. 1999. 'Western Models and the 'Russian Idea': Beyond 'Inside/Outside' in Discourses on Civil Society', *Millennium*, no. 1.
53. Richardson, J. 2001. *Contending Liberalisms in World Politics: Ideology and Power*, Boulder, London.
54. Tsygankov, A. 2004. *Whose World Order? Russia's Perception of American Ideas after the Cold War*. Notre Dame.